

Ульяна Тринь,
Анна Эристова.

Хозяйка
«Волшебной флейты».
В бегах

**Анна Эристова
Ульяна Гринь
Хозяйка «Волшебной
флейты». В бегах**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68999668

SelfPub; 2023

Аннотация

Я открыла музыкальный салон вместо дома удовольствий – это плюс. Я потеряла любимого мужа и рискую потерять свободу, а то и жизнь за убийство, которого не совершала (хотя очень хотелось) – это минус. Что в планах? Оправдать себя, отстоять салон, найти убийцу модисток и как-то сохранить баланс с Митькой Полуяном, который настоятельно пытается превратить нашу дружбу в более интимные отношения. А тут ещё мной интересуется очень странный господин, а зачем – непонятно. Мне осталось тянуть лямку одиннадцать месяцев. Или больше?

Содержание

Аннотация	5
Глава 1. Отмазываюсь	6
Глава 2. Осторожничаю	22
Глава 3. Действую	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Ульяна Гринь,
Анна Эристова
Хозяйка «Волшебной
флейты». В бегах**

Хозяйка «Волшебной флейты» – 2

Аннотация

Я открыла музыкальный салон вместо дома удовольствий – это плюс.

Я потеряла любимого мужа и рискую потерять свободу, а то и жизнь за убийство, которого не совершала (хотя очень хотелось) – это минус.

Что в планах? Оправдать себя, отстоять салон, найти убийцу модисток и как-то сохранить баланс с Митькой Полуяном, который настоятельно пытается превратить нашу дружбу в более интимные отношения. А тут ещё мной интересуется очень странный господин, а зачем – непонятно.

Мне осталось тянуть лямку одиннадцать месяцев. Или больше?

Глава 1. Отмазываюсь

В арестантской было холодно.

Трубин, гад такой, привёз меня в полицейское управление в одном лишь платье, не дав даже времени накинуть пальто. Девицы мои выли мне вслед, Авдотья плакала навзрыд, а гости стояли, обескураженные. Бедные, не повезло им... Надеюсь, Аглая додумалась всех успокоить и продолжить вечер.

Обняв плечи руками, я села на шконке так, чтобы не касаться спиной холодной стены. Когда же уже меня отсюда выпустят?

Графа Черемсинова убили в подворотне. Кто? Зачем? Нет, не так. За что? Впрочем, зная этого подлеца, думаю, он не только мне успел подгадить в жизни. Слава богу, что Лиза, княжна Потоцкая, отказалась от мысли выйти за него замуж! Ведь она для него собиралась заложить в ломбард своё ожерелье немислимой стоимости! Этот подлец напел бедной девушке, что у него карточный долг, который он никак не может выплатить, потому что не хочет продавать своих крестьян...

Я фыркнула презрительно. Говнюк! Не мужик! Обманывать женщин некомильфо. И почему только не он был убит на дуэли, а мой любимый Платон?

Лязг двери заставил меня встрепенуться. В приёмную вошли двое городских. Обоих я знала. Даже фамилию вспом-

нила и позвала:

– Васильев!

Он обернулся, а я обрадовалась:

– Голубчик, Васильев, не знаю, как вас по имени-отчеству, а скажите, когда меня выпустят отсюда?

Городовой переглянулся с товарищем и покачал головой, ответил:

– Эх, госпожа Кленовская, госпожа Кленовская... Вас отсюда не выпустят уж.

– Как это?

– Так по этапу пойдёте. Уж простите... В суд до тюрьмы, а после уж на каторгу, ежели судья решит. А нет – в Алексбурж повезут казнить.

– Как казнить... – растерянно переспросила я. – Но ведь я не убивала! Я совершенно не виновата!

– Господин Трубин не арестовал бы вас, ежели бы невиновны были, уж простите.

Вскочив, я воскликнула с негодованием:

– Разумеется! Господин Трубин вообще ангел! А меня он арестовывает каждый раз просто потому что влюбился, так? Я не убивала графа Черемсинова, зачем мне это?

Городовые переглянулись, потом Васильев осторожно заметил:

– Так ведь господин граф застрелил на дуэли нашего начальника, господина Городищева. А вы с ним... того... этого... ну в общем...

– Какого того? Какого этого?! – я даже к решётке припала, руку вытянула сквозь прутья, чтобы схватить идиота за форму и хорошенько потрясти. Но, к сожалению, не достала. – Да, мы были влюблены! Но я не убивала Черемсинова! У меня и свидетели есть!

– Этого мы не знаем, уж простите, – извинился Васильев. – На это следователи есть, вот господин Трубин придёт и будет расследовать.

Я закатила глаза. Да уж, Трубин нараследует... Мне нужно поскорее выбраться из этой клетки и искать настоящего убийцу, потому что никто за меня это не сделает. Трубин уже уверен в моей вине. Платоша, конечно же, решительно отмёл бы идиотские подозрения в мой адрес, но Платоша умер. Он погиб, защищая мою честь... И больше никто на всём белом свете не вспомнит обо мне.

Поражённая этой идеей, я попятилась и с размаху села на шконку. Васильев ещё раз окинул меня жалостливым взглядом и, качая головой, удалился куда-то в глубины полицейского управления. А мне осталось только сидеть и ждать Трубина, палача своего.

Но следующим на сцене появился не Трубин. Дверь снова распахнулась, и городской протащил за шкуру упирающегося и голосащего благим матом паренька лет этак шестнадцати. Тот цеплялся за мебель, своротил пару стульев, но был водворён в клетку рядом со мной. Я слегка прифигела, потому что парнишка выглядел уж очень неадекватно, и за-

билась в самый угол шконки. А мой новый сосед принялся трясти прутья, как обезьяна, и орать:

– Свободу! Свободу требую, свободу! Незаконное задержание! Я на вас в суд подам!

– А ну! – городской замахнулся на него, но парнишка резво отскочил. Городовой проверил замок и пригрозил: – Будешь безобразничать, закрою в холодной.

– Сатрапы, – с достоинством ответил сосед. Городовой покачал головой и ушёл. Парнишка обнял прутья и засвистел какой-то весёлый мотивчик. Я заметила осторожно:

– Не свисти, денег не будет.

Он резко обернулся. На меня глянули голубые глаза, окружённые веером светлых ресниц. Парень растянул губы в улыбке и сказал:

– О, а я тебя знаю. Это ж ты Демиду локоть вышибла?

Расценив его оскал как одобрение, ответила:

– Допустим, я. А что?

– Ничего. Ловко ты. Научишь?

Я фыркнула. Тоже мне, прогрессорство! Учить гопников девятнадцатого века приёмчикам самообороны из двадцать первого! Так, стоп. Он был в том трактире. Значит, из братии Дмитрия Полуяныча. Значит...

– Научу, если поможешь мне отсюда выбраться, – сказала я ему, прищурившись. Оценивающе. Думаю, такой парнишка нигде не пропадёт, а уж из полицейского участка сбежать ему раз плюнуть.

Он тоже окинул меня взглядом, но уже слегка подозрительным, потом плюхнулся на шконку и спросил:

– А тебя за что загребли?

– За убийство.

Сказала просто, не добавив, что я невиновна. Зато мой сосед впечатлился. Бровки его светлые взлетели на лоб, глазки голубые вытаращились на меня, рот округлился трубочкой, и парень ответил:

– Ого! Я-то думал, жёлтый билет не выправлен...

– Здравствуйте, меня зовут Татьяна, и я не проститутка, – пошутила. – У меня музыкальный салон, а не увеселительное заведение.

– Здравсьте, а я Гордей, – представился он. Минутное удивление уже прошло. Гордей поинтересовался: – И кого ж ты кокнула?

– Никого. Так поможешь?

– Ежели ты не заметила, свет-Татьяна, я и сам сижу по ту же сторону решётки, что и ты, – хитро прищурился он. – Как же ты хочешь, чтоб я тебе помог?

– Только не говори, что у тебя нет никаких уловок.

Он снова широко улыбнулся и забрался с ногами на шконку, подтянувшись до окошка, забранного прутьями. Толкнул раму, махнул кому-то снаружи, свистнул. Потом сиплым шёпотом бросил:

– Беги к Полуяну, скажи: его зазнобу загребли на каторгу, выручать надобно!

– Зазнобу? – возмутилась я. – Вообще-то я ничья не зазноба! А с Полуянычем мы вообще виделись один раз.

– Сердцу, свет-Татьяна, не прикажешь! – снова оскалился Гордей. – Ты гордись лучше, наш смотрящий с дамами, кроме тех, у кого жёлтый билет, замечен не был.

Я снова фыркнула от смеха:

– А может он по мальчикам, а не по девочкам?

Гордей даже сразу и не понял, а потом нахмурился и буркнул:

– Ты это, сестрица, не заговаривайся! А то не посмотрю, что ты его зазноба, и промеж глаз засвечу.

– Ударишь женщину? – подколола я его. Так смешно было смотреть, как он злится! Гордей вскинул голову, как будто был наследным принцем всея Руси, и сказал высокомерно:

– Ежели женщина на Полуяна бочку катить будет! Я за Полуяна порву глотку!

– Да ладно тебе, я пошутила.

Стало даже немного легче, как будто сбросила вес обвинения в убийстве с плеч. Но оно никуда не делось. Был бы жив Городищев, я даже и не думала бы об этом. Но Городищев мёртв. Расследовать гибель Черемсинова придётся мне, потому что дурак Трубин предвзято ко мне относится. Ему чхать на то, кто убил по-настоящему... Ему меня засадить надо за решётку, меня.

Потому что я ему отказала.

Нет, я приняла правильное решение. Надо бежать. По-

просить убежища в трущобах Михайловска, Полуяныч меня спрячет. Зазноба ж!

Гордей оглянулся на приёмную и подмигнул мне:

– Может, пока в картишки перекинемся?

– А перекинемся! – задорно ответила я. – В дурака.

– А можем и в дурака, – серьёзно сказал он. Карты появились как будто из ниоткуда – засаленные, старые. Гордей поклонявил пальцы, отчего меня передёрнуло, и принялся тасовать колоду. Добавил не слишком уверенно: – На деньги не играем, наверное. Или будешь должна?

– На щелбаны, – предложила. – А почему сразу должна? Вдруг я выиграю?

– У меня?! Да никогда!

Ну-ну. Я с детства в дурака играю, я даже бабушку обыгрывала. Не буду хвастаться, но жалости к ребёнку не будет!

Однако первую игру я бесславно продула. Вторую вела, радовалась, как дитя, а потом опять проиграла. Так-так... Этого не может быть. Две подряд? Нет!

– Ты жульничаешь, Гордей, не знаю, как тебя по батюшке! – возмутилась, пристально глядя ему в глаза. Он усмехнулся, подмигнул и ответил:

– Иванович я. А тебе наука, сестрица. Не играй с кем попало.

– Фу таким быть, – я покачала головой. – Давай ещё одну, но честно.

– Честно неинтересно, – фыркнул Гордей, тасуя колоду,

и тут перед арестантской нарисовался тот, кого я терпеть не могла. Мой мучитель.

Трубин улыбнулся сладко-сладко, аж усы встопорщились, протянул своим особенным голосом, от которого у меня мурашки по коже побежали:

– Госпожа Кленовская, прошу на допрос.

Я встала, с достоинством поправив платье, улыбнулась ему в ответ настолько холодно, насколько смогла, и ответила:

– К вашим услугам, господин Трубин.

Даже сама себе понравилась в этот момент. Эх, расти я в этом мире, могла бы стать самой настоящей светской дамой. Но увы, вышло из меня то, что вышло. А Трубин, гад этакий, не имеет права меня заключать под стражу без доказательств. Пусть докажет, что я виновата.

– Свидимся ещё, сестрица, – негромко бросил вслед Гордей, и я, не оборачиваясь, показала ему палец вверх. Зато Трубин и тут не преминул вставить свои пять копеек:

– На каторге вы свидитесь, Гордейка, это я тебе обещаю.

И невежливо подтолкнул меня... нет, не в спину, а чуть пониже. Я возмутилась:

– Держите ваши руки при себе! Если не вмоготу, так в карманы спрячьте!

– Идите, идите, Татьяна Ивановна, – всё так же сладко пропел Трубин и указал на открытую дверь. Моё сердце пропустило удар – это был кабинет Городищева. Мгновенно вспомнился тот день, когда я попала в этот мир, когда ме-

ня и Авдотью забрали в полицейский участок, когда я впервые увидела Платона... Господи, да здесь всё будет всегда напоминать о нём! Всегда. Слёзы подкатили к глазам, но я глубоко вздохнула, чтобы не заплакать. Я не должна плакать сейчас. Сейчас я должна быть сильной и упрямой, чтобы выбраться отсюда. Городищева больше нет, он не отпустит меня.

– Присаживайтесь, госпожа Кленовская.

Трубин закрыл дверь и моментально переменился. Теперь он был похож на хищную птицу, которая готова броситься на жертву. Он обошёл стол и оперся о него ладонями, взглянул на меня с прищуром:

– Ну-с, рассказывайте: зачем вы убили господина Черемсинова? Чтобы отомстить? Или он вам ещё как-то помешал?

– Я не убивала, – ответила твёрдо. И даже подбородок задрала, посмотрела с вызовом. А сердце едва трепыхалось. Трубин меня посадит. Трубин даже будет топить за высшую меру. Неистовый глупец... Нет ничего хуже, чем дурак с амбициями и идеей. У него навязчивая идея – наказать меня за то, что его опозорила.

– Вы убили, вы, – он произнёс эти слова с таким сладострастным убеждением, что мне стало очень страшно. Пипец тебе, Танька, большой и яркий пипец. Дожилась...

– Я больше ничего не скажу без моего адвоката, – сказала мстительно. – Извольте вызвать его в участок.

– А зачем вам адвокат? Улик против вас, госпожа Кленов-

ская, выше крыши.

Он сел и раскрыл тонкую картонную папку, перевернул бумагу, вчитался.

– Вот, ваше платье видела баба, живущая в доме напротив места убийства. Ваша серьга была найдена на трупе. Вы по-вздорили с графом Черемсиновым некоторое время назад, и тому есть многочисленные свидетели. Вы отлучались из заведения, и у вас было достаточно времени, чтобы догнать его, убить и вернуться назад. Да?

И глянул вопросительно. Я покачала головой. Ей-богу, слова не вымолвлю без Волошина. Похоже, Трубин это прочёл в моих глазах, потому что вскочил, с треском хлопнул ладонью по столу и заорал, как безумный:

– Отвечай немедленно, почему ты убила графа?! Говори, шлюха!

Я вздрогнула от неожиданности, но продолжала молчать. Трубин сорвался с места, заходил по кабинету, заложив руки за спину. Видимо, обдумывал, как меня сломать. Но тут из коридора послышался громкий капризный женский голос. Даже не громкий – очень громкий. Слышно его было так же хорошо, как если бы дамочка находилась в самом кабинете. Она истерила на весь участок.

– Я желаю видеть господина главного дознавателя! Немедленно, вы слышите? Немедленно! У меня украли экипаж! Я буду жаловаться губернатору, если главный дознаватель не займётся тотчас же моим делом!

Городовой явно пытался её увещевать, отчего в воплях дамочки случались паузы, но ему это очень плохо удавалось, потому что женщина не замолкала:

– Я не только губернатору пожелаю! Я подниму на ноги всё полицейское управление Алексбурга! Мой супруг – близкий друг господина Вельяминова, если это имя вам о чём-то говорит, так что я желаю немедленно видеть главного дознавателя! И полицмейстера также! А если вдруг так случится, что эти господа не явятся сей же момент, то пусть сразу пишут рапорт об увольнении из полиции, ибо им тут больше не служить!

Трубин слушал с нарастающим волнением, из чего я заключила, что он и есть теперь главный дознаватель. Он пробормотал с досадой:

– Что ещё за морока... Экипаж украли! Ох, не к добру, чую.

Он схватил меня за плечо и грубо велел:

– Сиди здесь и думай. Я скоро вернусь и хочу услышать из твоего красивого ротика подробности убийства графа Черемсинова.

И вышел из кабинета. Я услышала звук повернувшегося в замке ключа и вздохнула. Маленькая передышка перед новой пыткой. Что делать-то теперь?

И ведь запер дверь, сволочь... Не сбежишь! Адвоката вызывать не собирается. Хотя, наверное, должен. Однако не спешит. И Порфирия не позовёшь... Как же быть, как жить

дальше?

Этот риторический вопрос всегда был одним из моих самых любимых. И часто помогал. Вот и сейчас – стоило мне произнести его вслух, как раздался звон оконного стекла. Я даже подскочила на стуле от неожиданности, устоялась на разбитый квадрат в раме, а с улицы показалась тонкая ловкая рука, повернула ручку окна. Господи, что это?

Парень моих лет, рыжий блондин, широколицый, конопатый, с усилием подтянулся к раме и свистящим шёпотом позвал:

– Эй, барышня! Сигай в окошко!

Ого. Вот оно!

Я соображала меньше секунды. Подхватила со стула и бросилась к окну. Потом спохватилась и вернулась к столу. Серёжка из бусин лежала на раскрытом деле, красиво – будто Трубин собирался для соцсетей фоткать папку! Схватив украшение, сунула его за корсет, а уж потом вернулась к окну. Села на подоконник и подтянула подол платья к коленям. Ох, высокогато! Парень зубоскалил, уставившись на мои голые ноги, и пришлось шикнуть на него:

– Чего уставился?! Помоги лучше!

Он протянул руки, и я, закрыв глаза, спрыгнула. Боялась, честно говоря, ужасно! Ну а что – сломаю ноги и всё, Трубин меня закроет навсегда, а лечиться как? В тюрьме? Лучше сразу шею свернуть... Но парень принял меня безупречно, руки его, хоть и тонкие, оказались крепкими и жилистыми.

ми. Я открыла глаза и выдохнула с облегчением, но передышки мне не дали. Парень поставил меня на землю и, схватив за руку, потащил к коляске, стоявшей на углу:

– Ходу, барышня, ходу! Пока Сонька свой концерт не закончила!

– Сонька – это та женщина, у которой украли экипаж? – любопытно спросила я, плюхнувшись на сиденье. Парень вскочил на козлы и присвистнул на лошадь, а когда она рванула с места в рысь, ответил со смехом:

– Чёрта лысого у неё украли! Сонька артистка, каких мало! Её бы в императорский театр, все б рыдали, как играет, ох как играет, шельма!

Коляска быстро удалялась от полицейского управления, а я забилась в самый угол. Платье у меня и правда заметное. Такого больше ни у кого нет. Срисуют меня, ой срисуют... А парень словно мысли мои прочитал и посоветовал, оглянувшись:

– Ты, барышня, прикройся шубкой, а не то твоё сияние ажно из Алексбурга видно!

Я нашарила рукой мягкий шелковистый мех и натянула его на себя. Даже легче стало, когда спрятала платье. Интересно, куда он меня везёт? Походу, мы выезжаем из приличного квартала, но куда? Совсем не в ту сторону, где моё заведение, и не туда, где мой дом. До шикарной торговой улицы Язовенной тоже далеко. Большой город Михайловск, а я думала – маленькая деревня... Вот уже и улочки стали узень-

кими, тёмными. Или это сумерки наступили? Сколько времени прошло с того момента, как меня забрали с первого вечера в моём музыкальном салоне? Даже не знаю...

– Эй, а куда мы едем? – спросила тревожно. Парень отмахнулся:

– Не беспокойся, барышня, куда надо, туда и едем.

– Как тебя зовут хоть?

– Оськой кликали с утра, – отозвался он.

– Тоже мне, большой мальчик вырос, а всё ещё Оська! – фыркнула. Он оглянулся, серьёзным взглядом смерил меня и сказал:

– Ну пушай Йосип будет. Йосипом зови.

– Хорошо, а я Татьяна, – представилась, потом добавила: – Ивановна.

– Ишь! – хмыкнул Йосип. – Ива-ановна! А нос-то дорос?

– За своим смотри, – посоветовала с улыбкой. – Ты у Полюяна служишь?

– Так... Маленько, – неохотно ответил он. – Ты меня не спрашивай, Татьяна Иванна, неловко мне тебе не говорить, а говорить можно ль, того не знаю.

– Не буду спрашивать. Скажи только: долго ещё ехать?

– Не-е, уж маленько осталось! Н-но, шальная, но!

Лошадка дёрнула коляску и побежала быстрее. А я закрыла глаза. Куда я еду, что я делаю... Позволила себе слабость, отдалась под крышу бандиту. Но у меня не было выбора, правда. Без Городищева в этом городе у меня не осталось

заступников, а Трубин не остановится, пока не отправит меня на каторгу. Полуян так Полуян. Но нужно держать его на расстоянии вытянутой руки, не позволяя вторгаться в личное пространство. Он способен...

– Эй, барышня, слезай, приехали!

Я распахнула глаза и уставилась на небольшой домик с облезлым фасадом и обшарпанными рамами, который охраняли корявые деревья без листьев с претензией быть садиком. Окружала этот садик покосившаяся ограда, в которой не хватало штaketника. Йосип спрыгнул с козел и протянул мне руку:

– Пожалте, барышня.

– Ты куда меня привёз? Что это за собачья конура?

– Не всё то, чем кажется, – подмигнул мне Йосип. – Но ежели желаешь, провожу тебя до места.

Я оперлась на его ладонь и сошла с коляски, закутавшись в шубу. Мы пробрались через заросли густой травы к крыльцу, и мой провожатый стукнул в покосившуюся дверь три раза быстро, два раза медленно и потом ещё раз. А я поёжилась, окружённая сумерками, в которых тени от деревьев показались страшными чудовищами. Они съедят меня, маленькую, беззащитную, икнут и в зубах поковыряются веткой...

Из глубины дома слышались шаги, дверь скрипнула, и в щели показалось лицо женщины. Она оглядела меня подозрительно, потом скользнула взглядом по Йосипу и выдохнула:

– А, это вы... Упадайте.

И она распахнула дверь, пропуская нас в тёмный сырой коридор. Потом тщательно закрыла её, вынула из-за перегородки свечу и в её свете отворила другую дверь, посолиднее. Оттуда пахло теплом, печным жаром, запахом мёда и яблок, и я жадно вдохнула всё это. Ох, есть хочется! Чаю хочется! Лечь и вытянуть ноги...

Я вошла первой, не выпуская полы шубы, обёрнутой во круг тела. А мне навстречу с диванчика, обтянутого жёлто-пёстрой тканью поднялся Митька Полуян собственной персоной. Отставив чашку с горячим чаем, развёл руки:

– Ба-а! Кого я вижу! Татьяна Ивановна, дорогая ты моя!

– Дмитрий Полуянович, – я склонила голову в приветствии. – Благодарю вас за помощь в побеге.

– Пустое. Сам рад. А тебе идёт шубка! Оставь себе, дарю.

И улыбнулся широко, отчего от уголков глаз его разбежались мелкие морщинки. Гусиные лапки.

Глава 2. Осторожничаю

Первым моим побуждением было поблагодарить этого обаятельного стервеца за поистине царский подарок. Но потом здравый смысл поднял голову. Я же не даром проработала несколько лет в профессии, я же на эти грабли уже наступала!

Подарок я могла бы принять только от Городищева. Потому что знала: в ответ он не попросит ничего. А Полуяну веры нет, Полуян не только попросит – он ещё и потребовать горазд. Так что нет, спасибо, плавали-знаем.

Я мило улыбнулась и ответила:

– Спасибо за доброе намерение, однако подарок принять не могу. Посижу ещё в шубе, погреюсь, а потом верну, если не возражаете.

– Танечка, душа моя, грех моими подарками разбрасываться!

Полуян шагнул ко мне, обдав запахом дешёвого табака и яблочной ватрушки с маком, угрожающе глянул в глаза. Прищурился. Его зрачки затопили радужку, как у злого кота. Настоящий бандит, первостатейный! А только мне бояться нечего. Дважды он мне помог, долг отдам, а большего не надо.

– Я, Дмитрий Полуянович, женщина независимая и свободная. Вы предложили – я отказалась. Именно так это и ра-

ботаает. Если для вас всё работает по-другому – не быть нам друзьями, к сожалению.

Он раздул ноздри в гневе, стукнул кулаком по столу. Думал, наверное, что это произведёт на меня впечатление.

Ошибся.

«Разве это сад? Видала я такие сады...»

Вспомнился Гешефт, тоже первостатейный бандит. Была у него отвратительная привычка – чуть что орать и кидаться в девушек бокалами и пепельницами. Очень уж ему нравилось, когда девчонки пугаются и ломаются на выход. В меня он швырнул тамблером ровно один раз, потому что я увернулась, подобрала тяжёлый бокал и вернула Гешефту комплимент. Прямо в его чугунную бошку, даже бровь рассекла. Бандит тогда опешил, взоржал и велел тащить аптечку, лечить его...

Уступать Полуяну я тоже не собиралась, поэтому сказала устало:

– Вы, Дмитрий Полуянович, на меня не гневайтесь, гневаться я и сама умею. И фыркать, и ножкой топать... Должной быть не желаю, а отдариться мне нечем. Уж поймите и не сердитесь.

Он ещё немного посверкал очами, а потом расслабился и улыбнулся, снова показав гусиные лапки:

– Ладно, забудь. Садись-ка, Татьяна, за стол, отужинай со мной, коли голодна.

– Голодна, – призналась я, вздохнув с облегчением. За

спиной кашлянул отмерший Йосип:

– Так я, это... Полуян, пойду я иль что?

– Побудь тут, – распорядился бандит. – Лошадку распряги да спать заваливайся, Глашка тебе чаю нальёт. А ты, Татьяна Ивановна, вот сюда садись, на красное место. Водки будешь?

Я махнула рукой. Водка так водка. Мне бы сейчас просто поесть чего-нибудь, не важно чего. Желудок уже к позвоночнику прилип, я ведь волновалась, с утра ничего не ела. Как там мои девчонки? Наверное, в панике...

Горница Полуяна была тёплой и маленькой. Печь грела её одним боком – дебелая, дородная, выпирающая, как русская баба, а в красном углу, над лавкой, покрытой какими-то мохнатыми тулупами, чадила лампадка. Вместо лика Иисуса на иконе был строгий лик женщины в чёрном. Она смотрела в душу своими тёмными большими глазами, поджав узкие губы, словно была недовольна мною.

– Так вот ты какая, Богиня, – пробормотала я, садясь. – Уж не сердись хоть ты...

– Это Чёрная Богиня, – сказал, услышав, Полуян. – Покровительница воров и проституток.

Он сел напротив меня, навалился грудью на стол и спросил серьёзно:

– Ты мне скажи, Татьяна, за что тебя в арестантскую запрятали?

– За убийство, – я мотнула головой. Снова объясняй, снова клянись...

– И кого ж ты чикнула, красавица? – несказанно удивился Полуян. В его глазах даже искры любопытства зажглись. Но я отказалась горячо и быстро:

– Никого!

– Правильно. Так всем и говори, стой на своём. Но мне можешь правду сказать, я могила.

Ну вот, что и требовалось доказать. Никто мне не верит. Городищев поверил бы...

– Я правда никого не убивала, меня подставили, – со вздохом ответила и подумала: а ведь точно подставили. Платье золотое, серьга моя... Минут пятнадцать меня не было в зале – надо было привести лицо в порядок, не выходить же заплаканной к гостям! И как раз в этот промежуток времени Черемсинова убили недалеко от салона.

Значит, кто-то был там и воспользовался моментом.
Но кто?

– А кого, кого убили-то?

– Графа Черемсинова.

– Ого! – поднял бровь Полуян, но ничего сказать больше не успел, потому что появилась женщина, которая открывала мне дверь. В руках она несла большой пузатый самовар, дымящийся сверху. Невысокая, худенькая, вся какая-то остренькая, она была одета в деревенский сарафан и коротенькую расстегачку на меху. Платок, завязанный по шее, плотно обнимал её лицо, скрывая волосы. Серые глаза сердито зыркнули на меня, а потом женщина велела Полуяну:

– Посторонись-ко, Мить.

Он убрал локти со стола, откинулся на спинку стула, а она водрузила между нами самовар, развернулась, взметнув юбкой:

– Щей подавать?

– Давай щи, давай мясо, всё давай, – нетерпеливо откликнулся Полуян. – Татьяна, чем же тебе граф не угодил?

– Та дерьмо он собачье, – в сердцах бросила женщина. – Сам знаешь ведь.

Он фыркнул в её сторону:

– Глашка, молчи, дура!

Она покачала головой, но ничего не ответила, отошла за печь, загремела чугунами. Я выпрямилась, поправила сползающую с плеч шубу и сказала твёрдо:

– Я не убивала, запомните это, Дмитрий Полуянович. Кто убил – не знаю. Но его надо найти, пока меня на каторгу не отправили.

– Ну, на каторгу – это мы ещё посмотрим, – он прищурился. – Невиновная, значит... Что ж, Танечка, тут тебя никто не найдёт, а убийцу мы отыщем.

– Своих спросите, может, кто-то из них графа убил.

– Не беспокойся об этом, первым делом и спрошу. А ты пока ешь, отдыхай, делай, что хочешь, – он протянул руку и взял мою кисть в свои пальцы. Тёплые... Кожа хоть и грубая, но приятная на ощупь. Большой палец ласково погладил мою ладонь, и Полуян добавил тихо: – Ты гостья моя, Таня. Я для

тебя что хочешь сделаю, и даже больше!

– Сделай, – согласилась я. – Помоги мне найти убийцу Черемсинова. Больше я у тебя ничего не попрошу.

– Помогу, как не помочь! А пока ешь. Глашка! Где там твои щи?!

– Да несу я, несу, – сварливо отозвалась женщина, протискиваясь в комнату. В руках её был чугунок, укутанный в какие-то тряпки. Полуян снова стукнул по столу:

– Глафира! Где сервиз?! Как подаёшь, дура?

Мне стало смешно и немного обидно, я фыркнула, откидываясь к стене:

– Дмитрий Полуянович, мы же не в ресторане.

Он зыркнул на меня, потом снова на испуганную Глашу, скривился:

– В моём доме всё должно быть так, как я хочу! Дорогая гостья подумает, что мы лапотные!

– Батюшка, так ить не сказал же, – пролепетала женщина, застыв в полупоклоне с чугуном. – Так чё, подавать аль сервиз искать?

Полуян раздул побелевшие от гнева крылья носа и уже готов был запустить в бедную Глафиру самоваром, и пришлось вмешаться. Я наклонилась к хозяину дома, накрыла ладонью его руку и проникновенно сказала:

– Дмитрий Полуянович, не надо сервизов, прошу. Мы ведь по-простому сидим, по-дружески. Да и щи, наверное, из чугуна вкуснее, правда?

Касание подействовало почти мгновенно, на что и был расчёт. Если хочешь добиться чего-то от человека, установи с ним тактильный контакт. Нейтральный, короткий, мягкий. Это всегда работало, сработало и сейчас. Полуян успокоился, выдохнул, улыбнулся мне, ответил:

– Вкуснее, Танечка, ох вкуснее. Ну, ежели тебе не зазорно, пушай из чугуна...

И кивнул служанке. Та, не глядя ни на кого, приблизилась, боясь дышать, поставила закопчённую посудину на край стола и размотала тряпку. Из-под открытой крышки вырвались на свободу клубы пара, разнесли по горнице особый аромат – пареной капусты и душистого мяса. Так пахнет еда из печи, так пахло у бабушки в доме...

Щи в деревянной миске да из деревянной круглой ложки оказались пищей богов. Нектар! Нет, как там правильно? Амброзия, вот. Как истинный гурман, я сначала вдохнула ещё раз и поближе запах, насладились им. Потом попробовала, потом ещё ложечку, и снова, и ещё одну... Очнулась только, когда пришлось скрести дно миски. Глянула на Полуяна – он улыбался так добро и довольно, что был похож на большого сытого кота. Мурлыкнул:

– Смотрю на тебя, Танечка, и душа радуется. Распробовала щи?

– Распробовала, спасибо.

– А может, по стопочке? У меня в холодке стоит, отменный самоплас, чистый, как слеза младенца!

Осознав, что мне предложили выпить, отрицательно мотнула головой, потом развила мысль:

– Благодарю, но нет. Не могу.

Добротное тепло и без самопляса разлилось по телу. Стало так спокойно и уютно, даже если рядом был паразит Полуян, что я расслабилась, чуть стекла по лавке, а глаза стали вялые, не фокусировали мир с прежней быстротой. Хозяин же наоборот оживился и кликнул:

– Глафира! Кулебяку ставила сегодня?

– А как же, – с готовностью подтвердила женщина, появляясь из-за печи. – С трем начинками, всё, как любишь, ба-тюшка!

– Так мечи на стол, чего ждёшь – второго пришествия Богини?

Я сообразила, что меня опять собираются кормить, и вяло запротестовала:

– Если это для меня, то я больше ни кусочка не смогу съесть.

– У Глашки знатная кулебяка, – усмехнулся Полуян.

– А у меня тугой корсет, Дмитрий Полуянович, – я собралась с силами и села прямо. Вышеозначенный корсет, как всякое уважающее себя пыточное приспособление, призывал к порядку, сдавливая рёбра. Если я попытаюсь запихнуть в себя ещё и кулебяку, то умру от переедания, быстро и бесславно.

Полуян странно возбудился от моих слов, с лукавой

усмешкой погрозил пальцем:

– Кокетка ты, Танюша, ох кокетка!

– Отчего же? – удивилась я. Вроде ничего такого себе не позволила...

– О корсете заговорила, не иначе как желаешь его снять. Так я помогу, душа моя!

Я только вздохнула, качая головой. Полуян север не теряет, точно кот в марте. С ним нужно держать ухо востро, а то не замечу, как стану любовницей смотрящего. Для бизнеса это, конечно, плюс. Но лично для меня – большой жирный минус... И рада бы забыть Городищева, а не могу. И никто мне больше не нужен.

– Если я сказала, что мне жмёт корсет, это означает лишь то, что мне жмёт корсет, а не то, что вы себе придумали, – ответила с достоинством. – Дмитрий Полуянович, устала я очень, можно ли мне подушку под голову, я тут подремлю немножко...

Смотрящий с досадой цыкнул:

– Эх, за кого ж ты меня принимаешь, Танечка! Неужто правда думала: оставлю тебя на лавке кемарить?

На это я даже отвечать не стала, тем более, что ответа и не ждали. Полуян хлопнул в ладоши, и в горнице снова появилась Глаша.

– Поди-ка отведи барышню в комнату да прислужи хорошенько. Ежели барышня на тебя пожалуется, отметелю так, что неделю в лёжку лежать будешь.

Глафира тоже ничего не ответила, подошла ко мне, под локоть взяла:

– Пойдём, барышня, устрою тебя на ночь.

Я поднялась с трудом, если честно. Обмякла вся как-то после переживаний и сытного ужина. Или обеда? Нет, всё же ужина, темно уже на улице...

Глафира провела меня в комнатку за печью. Там стояла просто шикарная кровать. В доме мадам Корнелии она лучше и шире, но для этого деревенского домишки даже эта была слишком велика. Я зябко повела плечами, не желая расставаться с шубой, а служанка сказала негромко, разбирая подушки:

– Ты, барышня, не жмись, постелька чистенькая, сегодня сама перестилала. Мне как батюшка велел приготовить для барышни комнатку, так я и простыней свежих принесла, и рубашечку из сундука достала.

– Полуян добрый, – протянула я, сбросив шубу на одеяло. – Ты, Глафира, не танцуй вокруг меня, только корсет помоги снять, а так я сама.

– Ага, – пробурчала она. – А потом Полуян мне рожу отрихтует под Гжель, только детишек и пугать на базаре.

– Не скажу я ему.

Села на кровать, ощущая огромную давящую усталость во всём теле. Что мне? Пусть делает, что хочет. Лёгкие руки развернули меня, ловкие пальцы расшнуровали корсет. Дышать стало проще. Глафира тихонечко зашептала:

– Ложись, ложись, барышня. Ох и худющая, откормить бы тебя... Ну ничего, ничего, утречком кулебяку поешь, а на вечер настряпаю пирожков разных. Ты с какой начинкой любишь? С капусткой? Или с рыбкой?

Я не ответила. Хотя пыталась. Но рот будто заклеили, и получилось у меня только невнятное мычание. А потом я оказалась головой на подушках, укутанная в мягкое одеяло, и в моём мире наступила темнота...

Городищев смотрел на меня свысока. Потому что сидел верхом на белом-пребелом коне, а одет был почему-то в исподнее. И в сапогах. На голове у него был гусарский кивер с пышным пером.

Я хотела броситься к любимому мужу, прижаться щекой к колену, зарыдать от счастья, но не могла сдвинуться с места. Сон, подумала. Мне снится сон... Жалко, как жалко, что всё не взаправду! И всхлипнула. А Платон качал головой, строго глядя в глаза.

– Платон Андреевич, – попыталась отчего-то оправдаться, – я не нарочно, правда! И Черемсинова не убивала! Вам-то должно быть видно оттуда...

– Проснитесь, Таня, – ласково ответил Городищев, и взгляд его смягчился. – Проснитесь же.

– Я не могу, это же сон, – растерянno сказала. Разве можно управлять сном?

– Вам нужно проснуться.

Я напрягла мозг, посылая ему сигнал к пробуждению, но

напрасно. Тогда Платон подъехал ближе, наклонился и очень нежно, невесомо погладил меня по щеке, улыбнулся:

– Сейчас, Танюша, сейчас...

– ...Сейчас, моя сладкая девочка...

Голос был знакомый, но не Городищева. И пальцы ласковые, но не его, чужие. Я подхватила, села, натягивая одеяло на грудь, и оказалась нос к носу с Полуяном.

Точнее, даже рот ко рту, потому что этот поганец не потерялся и поцеловал меня. От неожиданности я среагировала не сразу, но, когда среагировала, смотрящий почему-то оказался на полу, о который грохнулся костлявым задом так, что слышно его, наверное, было даже в моём музыкальном салоне. А потом ещё и разозлился:

– Что ж ты, Таня, так неласково?!

– А что ж вы, Дмитрий Полуянович, гостью сонную изнасиловать собрались?! – сердито бросила ему. – А мне муж покойный снился, между прочим!

– Вот ведь покойный, а всё мне дорогу застит, – пробурчал Полуян, вставая. Присел ко мне на кровать, а я отодвинулась подальше. А вдруг ему захочется отомстить? Но нет, он только за руку меня взял и замурчал, как большой кот: – Покойный твой муж теперь, а ты вдова. Неужто решила всю жизнь прожить в памяти по нему и никогда больше не испытывать мужской ласки?

– На что мне ласка, если не от него, – сказала я, вырвав руку.

– Берегись, Танюша, ты должна мне, помнишь ведь?

Его глаза сузились. А мне уже было всё равно. Приснившийся Платон вызвал боль в душе. Ужасно захотелось свернуться зародышем, обнять руками колени и поплакать в подушку... Но я не могла. Я до такой степени устала и перерывалась, что слёзы словно застряли на полпути. К тому же Полуян сидел рядом и смотрел угрожающе. Нужно было ответить, и я ответила тоскливо:

– Разве все проститутки в Михайловске оставили профессию? Вы сходите к ним, приятнее выйдет.

– Не они мне нужны, а ты!

– Разница небольшая. Плотское удовольствие без отклика, без взаимности – только это вы и сможете получить от меня. А ещё заставите ненавидеть вас. Мне этого не хочется, потому что я вас, Дмитрий Полуянович, уважаю.

Он вскочил и метнулся по комнате, стукнул кулаком по стене. А когда обернулся ко мне, я увидела, что смотрящий улыбается. Как и тогда, в кабаке. Я недоверчиво улыбнулась ему в ответ и услышала:

– Лиса ты, Танюша, ох хитрющая лиса!

– Это почему это? Вроде бы всё вам прямо говорю.

– Не зря ты мне полюбила. Я вот кулаком бью, и это людей учит. А ты, Таня, словом как вдарил да прямо по кумполу! Вразумляешь. Эх...

Рукой махнул, улыбку с лица согнал, к двери пошёл. От не обернулся и добавил веско:

– А только пытаться я не перестану. Настанет день, и ты будешь моей.

Полуян вышел, притворив за собой дверь и оставив меня в темноте. Я медленно опустила голову на подушку, закрыла глаза, расслабляясь, ответила тихо в пустоту:

– Надейтесь.

Сон никак не хотел приходить снова, и я лежала, таращась во мрак комнаты, думала о Городищеве. Как же мне хотелось снова увидеть его – хотя бы призрачного, в тумане, в дурацкой одежде – и даже не касаться, а просто смотреть на него и верить, что он существует где-то, не просто ушёл в небытие, не превратился в прах и воспоминание...

Наша любовь была такой короткой, но такой яркой и острой, что смерть Платона оставила в душе кровоточащий след. В первые дни я не могла смириться с мыслью, что Городищева больше нет, что он никогда не улыбнётся мне, не взглянет с его обычным, таким милым полицейским прищуром, не скажет сдержанно и очень особенно: «Татьяна Ивановна». Я постоянно ждала – вот откроется дверь, и он войдёт. Или я встречу его у салона, он спрыгнет с коляски, обопрётся на трость и возьмёт мою руку, трепетно, как величайшую ценность на земле, поцелует...

Потом всё же осознала.

Я большая девочка, многое повидала в этой жизни, и смерть была для меня в порядке вещей. Конечно, умирали мои знакомые и даже подружки, но никогда кто-то очень

близкий, без которого жизнь стала пустой. Да я, впрочем, и не любила никогда до Платона. А полюбив, наивно решила, что счастье возможно, что никто не отберёт его у меня, что я избранная.

Сука ты, жизнь. Окунула головой в горе, повозила хорошенько и бросила выплывать. За что? Грешила, да, но ведь раскаялась, завязала, стала другой! Да и наказание несоразмерно с грехом. Отнять любимого человека – это слишком. А теперь ещё и обвинение в убийстве, за которое положена смерть или каторга, что то же самое, но гораздо дольше и мучительнее...

Я повернулась на бок, плотнее закутавшись в тёплое одеяло. Оно ещё хранило запах Полуяна, и от него стало одновременно грустно и смешно. Если бы не его поползновения в сторону моего тела, мы могли бы стать друзьями...

Кто, чёрт побери, убил Черемсинова?

Под пальцем закололо что-то острое, и я нащупала свою серёжку, о которой совершенно забыла. Выпала, наверное, когда Глафира сняла корсет. Зажав серьгу в кулаке, наконец закрыла глаза и подумала: этот кто-то был на вечере, иначе как бы он смог украсть украшение?

Глава 3. Действую

3 дня спустя

В бесцельной неге и праздном ничегонеделанье я слонялась по избе. Глафира и слушать не желала о том, чтобы я ей помогла. Максимум, позволенный мне служанкой – это самой приготовить чай. Как я ни уговаривала Глафиру, женщина осталась непреклонной. Нельзя мне ничем заниматься и точка! Полуян, мол, её прибьёт, ежели узнает.

А смотрящий появлялся раз в день, плотно ужинал и, поговорив минутку о всяких мелочах со мной, уходил ночевать в другое место. Я даже удивилась поначалу, но потом подумала, что, наверное, у него много дел. Или не хочет пугать меня снова. Он, конечно, бандит и наглый тип, но всё же хороший человек.

Я изнывала от безделья, а в голове вяло струились мысли. Как там мой салон? Как девчонки? И Лиза обо мне не вспоминает, наверное. Теперь, когда меня обвинили в убийстве, она не захочет со мной общаться. Я не подходящая компания для княжны... А ведь ей ещё замуж выходить, ей нельзя рисковать своей репутацией.

А вот ответа на вопрос, кто мог украсть у меня серёжку на первом вечере музыкального салона, я никак не могла найти. Перебирала в голове всех присутствующих, но никто вроде бы не приближался настолько, чтобы суметь вынуть её из

уха, да ещё незаметно. Нет, конечно, серьга могла выпасть, такое уже со мной случалось... И все могли видеть её на мне. Тут нужно искать мотив. А мотива я ни у кого не видела.

Смерти Черемсинова могли желать многие, а вот подставить при этом меня... Кому я так насолила? Двоим. Ксенофонту, управляющему «Пакотильи», которого я выгнала в первый день, и Трубину, неудачливо подкатившему ко мне в тот же самый первый день. Но вряд ли Ксенофонт мог знать подробности нашей ссоры с Черемсиновым. Если только у него нет сообщницы в салоне... У Трубина возможностей больше. Но я никак не могу представить, что он способен на такую многоходовку. А вот бывший управляющий больше подходит на роль злодея.

Эх, почему я не могу выйти в город?

Остановилась посреди избы, как вкопанная. Кто сказал, что не могу? Не в таком виде, конечно, но, если одеться попроще, загримироваться... Грим у Полуяна вряд ли есть, ладно, мне повезло, что я женщина, а женщины простогословия в этом мире носят платки. Я же могу притвориться больной и замотать голову и лицо так, что ни одна собака меня не узнает.

Я села с размаху на скамью и уставилась на печку. Платье пошире, обмотаться тряпками на поясе... Большой платок, и пусть я упрёю под ним. Прикрыть лицо и всем говорить, что у меня язвы на щеках. А что, никому не захочется смотреть на убогую! Или вообще «ослепнуть»!

Как Захар.

Захару бы весточку дать, но как? Нет, мне абсолютно точно нужно прогуляться до центра Михайловска, чтобы узнать, что там происходит. Полуян-то мне ничего не сообщает, делает загадочное лицо. Как ни просила, ни словечка не проронил! Информация мне необходима, как воздух. Так что решено, я валю отсюда хоть на полдня.

Осуществить свой план мне удалось ближе к вечеру. Полуян заглянул на полчаса, поужинал и снова ушёл. Глафира поставила тесто на хлеб, убралась на кухне и вдруг вспомнила:

– Я же обещалась матери, что прибегу помочь! Матушка у меня хворает! Барышня, ты же не станешь меня ругать? Я быстренько, она туточки неподалёку живёт!

– Беги, конечно, беги, – ответила я, старательно пряча радость в голосе. – Я вообще спать лягу.

– А ложись, ложись, – с облегчением выдохнула Глафира, собирая какие-то пожитки и немного еды. – Свечку потуши, мало ли... Ну, побегла я.

Она ушла, не заперев дверь. А я бросилась в комнату, где за кроватью стоял большой сундук. В нём была одежда служанки, и для меня нашлось старенькое платье. Я безжалостно измазала его сажей из печки, потом так же густо намазала лицо и шею. Стану золушкой, и никто меня не узнает. Перед уходом сделала куклу под одеялом, чтобы Глафира не сразухватила меня, а потом погасила свечу и осторожно вы-

скользнула из дома.

Вечер оказался тёплым и мягким. Солнце ещё стояло над горизонтом, не касаясь крыш. Воздух был наполнен запахом хлеба, который пекли в каждом доме. Я с наслаждением вдохнула полные лёгкие этого вкусного аромата и пошла, старательно горбясь и шаркая ногами, по улице. Платок, которым я обмотала голову и лицо, действительно был слишком тёплым, или я перестаралась. Но терпела, чтобы меня не поймали. Впрочем, здесь, в пригороде, бояться было практически нечего. А вот на входе в город я стала осторожнее. Крутила головой, стреляла глазами направо и налево, чтобы вовремя заметить полицейских. Обошла участок широкой дугой и в порыве внезапного вдохновения добралась до церкви.

По бокам от крыльца сидели и стояли нищие. Я и раньше их видела, но не обращала на них внимания. Как и в своём мире. И правда что, кто смотрит в лицо старушке, протянувшей руку из-под грязной шали? Никто. А тут были и мужчины, и женщины, и даже дети. Грязные, оборванные, заросшие волосами или бородами. Вонючие...

Отличное прикрытие!

Я пристроилась сбоку и принялась нараспев тихонечко читать «Отче наш», как можно шепелявее и как можно гнусавее, чтобы никто не разобрал слов. Старушка, стоявшая рядом, постоянно била поклоны, крестясь. Ну словно я домой попала, ей-богу!

Смотреть на людей из-под платка было не очень удобно, и я чуть сдвинула края ткани в сторону. Старушка тут же любопытно спросила шёпотом:

– А что ж ты, милая, в платочек кутаешься? Холодно тебе? Аль хворая?

– Хворая, хворая, – пробормотала я, снова прикрывая лицо и шепелявя.

– Ах ты ж болезная! Ты молись, молись Богинюшке, она тебя вылечит.

– Ага, ага.

Я начала нервничать. Чего она ко мне пристала? Конечно, я тут новенькая, всем интересно, кто я и откуда. Но нельзя привлекать внимание! Отвернувшись от старухи, я бросила быстрый взгляд на площадь. Ресторация полным-полнёхонька... А я так и не попробовала ни одного блюда. Вдруг и не попробую?

Стало совсем не по себе. Куда, в какую пропасть скатилась моя жизнь? Неужели мне теперь придётся всё время скрываться и отказываться от самых примитивных удобств и желаний? Неужели моим единственным другом станет теперь Полуян, смотрящий Михайловска?

Старушка подтолкнула меня под локоть:

– Кланяйся, кланяйся же! Молись усердно!

– Что? Зачем? – не поняла я и вдруг увидела, как из церкви начинают выходить горожане. Соседка всплеснула руками:

– Дадут больше, зачем же ещё!

И принялась кланяться ещё усерднее. Я прикрыла лицо поплотнее, затагнула невнятным голосом единственную знакомую мне молитву. И чуть не сдохла от стыда, когда поняла, что перед нами остановилась княжна Елизавета Кирилловна Потоцкая.

– Спаси тебя Богиня, – сказала моя подруга своим ангельским голосом и сунула старушке в заскорузлую ладонь монетку. Соседка закрестилась, как бешеная, благодаря:

– Благодарствуйте, барыня! Дай вам Богиня здоровья и счастья! Молиться за вас буду денно и ночью!

– Спаси тебя Богиня, – повторила Лиза, и я увидела, что она стоит передо мною. Не поднимая глаз, уставилась на подол её платья, подумала: грязный... Испачкалась княжна, только и ходить по улицам Михайловска в таком светлом платье... Иди, подруга, иди. Не смотри на меня! Меня тут нет, это не я.

– Что с тобой, болезная? – обеспокоилась княжна. – Ты хвораешь? Отчего лицо закрыто?

– Хвораю, матушка, вся язвами покрылась, – промямлила я, старательно изменяя голос.

– Ох, Богиня, прости грешную рабу твою, – перекрестилась Лиза и чуть отступила. Буквально на полшага, но я заметила это. Боится подружка, боится... Но неожиданно княжна выпрямилась, будто решение приняла, и мягко взяла меня за руку. Чёрт, сейчас увидит, что у меня не бродяжки руки!

Я попыталась вырваться, но Лиза сказала ласково:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.